

Ф. В. НИКОЛАИ

ОТГОЛОСКИ (ПОСТ)ГЕРОИЧЕСКИХ ВОЙН ТЕЛА, АФФЕКТЫ, ЭМОЦИИ

В центре внимания рецензии на коллективную монографию «Враждующие тела: телесность, материальность и способность к трансформациям» под редакцией Пола Корниша и Николаса Сондерса¹ оказываются тактики выживания комбатантов и отголоски войны, которая никогда не заканчивается для ее участников в день подписания перемирия. Эти отголоски включают не только социальные стратегии поведения, но и материальные вещи, тела, аффекты и эмоции комбатантов. Исследователей интересует, прежде всего, физическая (телесная, материальная) механика власти, не укладывающаяся в рамки сознательной психологической мотивации и официального героического нарратива. На передний план при этом выходит не деконструкция дискурса власти/маскулинности, но феноменологическое описание воздействия войны на тела и психику комбатантов. Оно позволяет сосредоточиться на механизмах взаимодействия сознательных и бессознательных импульсов поведения солдат, а также проблематизировать как дисциплинарные рамки, так и социальные функции военной и исторической антропологии в целом.

Ключевые слова: исследования памяти, военная антропология, травма, аффект, постгероические войны

В последние двадцать лет количество работ на стыке истории тела, военной антропологии и истории эмоций существенно растет: эта проблематика привлекает не только историков, но и археологов, сотрудников музеев, искусствоведов, журналистов, психологов, независимых исследователей². Рецензируемое издание выступает показательным примером такого сотрудничества. В каком контексте формируется сегодня интерес к понятию аффекта? Что оно дает для понимания современных асимметричных конфликтов? Насколько они отличаются от столкновений XIX – первой половины XX в.? Имеет ли смысл называть их новыми³ или постгероическими⁴ войнами?

В центре внимания коллективной монографии «Враждующие тела: телесность, материальность и способность к трансформациям» под редакцией Пола Корниша из Имперского военного музея в Лондоне и профессора Николаса Сондерса из Бристольского университета⁵ ока-

¹ Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation... 2014.

² Bourke 1996; Kinder 2015; Sylvester 2015; Emotions, Politics and War 2015; Battlefield Emotions... 2016; etc.

³ Калдор 2015.

⁴ Luttwak 1995.

⁵ Годом раньше под их совместной редакцией выходил сборник Contested Objects... 2013. А в 2012 г. был опубликован сборник Beyond the Dead Horizon... 2012.

зываются стратегии выживания комбатантов и физические отголоски войны, которая никогда не заканчивается в день подписания перемирия. Редакторы сборника начинают свое «Введение» с тезиса: «Предельное насилие, которое предполагается на войне, имеет, прежде всего, телесную природу. Война оставляет свои следы именно на телах и внутри них» (1). Условно книгу можно разделить на три части:

Несколько ее глав посвящены **воплощению** - навязыванию рамок артикуляции телесного опыта и интериоризации дисциплинарного контроля, превращению его из внешних требований во внутренние бессознательные привычки. Так, например, Анна Карден-Койн из университета Манчестера в главе «Внутри боли: молчание, рассказы и тела солдат» рассматривает свидетельства о широко распространенной стической молчаливости раненых во время первой мировой войны. На материале 25-ти дневников комбатантов автор доказывает, что их нарративы и саморефлексия в значительной степени оказываются опосредованы установками военной медицины: «Эта глава посвящена тому, как военные госпитали формируют пространство, внутри которого боль отслеживается и конструируется, а классовые и гендерные коды формируют смысл и стратегии выражения боли» (54). Боль ощущается как предельно субъективный телесный опыт, но артикулируется она в рамках определенного института (военного госпиталя), благодаря специфической культуре ухода за ранеными, вопросам и действиям медиков, социально закрепленным нормам поведения и представлениям о благородстве, мужестве (маскулинности)⁶ и т.д. Особенностью данного подхода представляется вынесение за скобки собственно физиологической составляющей боли⁷. Задачей исследователя становится преодоление крайностей избыточного психологизма и социального конструктивизма через поиск точек пересечения максимально приватного (субъективных ощущений боли) и публичного (культуры ухода за ранеными), а также анализ повседневных практик взаимодействия в госпитале. Близкая проблематика рассматривается в главе «Материальная культура и уход за ранеными после первой мировой войны в Великобритании» Джеффри Резника из американской Национальной медицинской библиотеки.

Главы «‘Возвращение мертвых домой’: легальная и нелегальная репатриация тел погибших во время и после первой мировой войны» Доминика Дендувена из бельгийского музея в Ипре; «Пропавшие и

⁶ «Кричать от боли, выражать боль – значит вести себя как женщина или ребенок, способствовать феминизации или росту инфантильности. <...> Молчание – это защитные доспехи маскулинности» (63). С другой стороны, собственные продолжительные страдания и наблюдение за болью других вызывают у раненых ревизию героического нарратива, признание уязвимости и прекарности тела.

⁷ Та же тенденция преобладает в работах наиболее известных историков боли – Дж. Бурк и Х. Москосо. *Bourke* 2014; *Moscoso* 2012.

найденные на полях Фландрии: антропологические и археологические исследования останков в проекте А19, Ипр, Бельгия» Педро Пайпа и Джаниек де Гриз; а также «Отсутствующие тела: судьба проигравших в гражданской войне в Испании» Альфредо Гонсалес-Руибал из Испанского музея научного наследия рассматривают судьбу солдатских тел и ритуалы траура по погибшим, пытаясь также избежать навязчивого психологизма. А. Гонсалес-Руибал, например, добивается этого через напрямую отсылку к исследованиям экономии телесного наказания М. Фуко. Объектом его анализа становится франкистский террор в Испании, включавший не только аресты и пытки «неблагодетельных», но и похищения: «Прошедшее пытки, демонстрируемое или скрываемое тело как объект противоречивой экономии наказания играло центральную роль в фашистской идеологии 1930–1940-х гг. <...> Военное насилие, пытки и казни рассматривались как всего лишь хирургическая операция по удалению нездоровых элементов социального тела» (170). Важно, что «политика исчезновения» работала не только на символическом уровне (метафорически приравнивая республиканцев к «грязным дикарям», «животным» или «насекомым»), оправдывающем физический террор. Она была нацелена на эмоционально-аффективную сферу и телесные ощущения – страх, отвращение, стремление к выживанию. Поэтому перед историком встает важный вопрос: как работать с этим до-символическим уровнем? Следует ли исследователю присоединиться к ритуалам траура, которые важны для потомков жертв, или же дистанцироваться от них, настаивая на различии прошлого и настоящего? Чаще всего современные историки занимают компромиссную позицию, пытаясь регулировать движение на перекрестке памяти в рамках сложившейся профессионально-корпоративной культуры⁸.

Второй, небольшой, но, возможно, наиболее любопытный блок материалов посвящен движению *от телесного опыта к социальным и культурным практикам*. Эта стратегия парадоксальным образом объединяет бывшего морпеха Марка Бёрчелла (автора главы «Движения опытных: эволюция коммандос») и египетского журналиста Халида аль-Бери, в молодости примыкавшего к радикальным исламистам (глава «Мой ближний враг»). Оба они утверждают, что влияние дисциплинарной власти «сверху» лишь накладывается на повседневные практики, автоматические действия и аффекты, порождаемые на телесном уровне и служащие мобилизации организма ради выживания. Например, М. Бёрчелл подробно описывает армейские тренировки, и прежде всего, «Движение через пространство, [которое] предполагает установление отношений между телом и окружающими его объектами. <...> В результате тренировок с оружием тело запоминает серию дви-

⁸ Подробнее см.: *Тоштендаль* 2014.

жений, заканчивающихся положением для стрельбы. Этот комплекс технических действий должен автоматически воспроизводиться мышечной памятью из любого положения» (212). Какие-либо властные нарративы лишь закрепляют и легализуют эти практики – фиксируют их как осознанную идентичность. Они оказываются встроены в функциональные сети тренировок, скорее, как надстроечный (вторичный) фактор, а не исходный посыл для организации телесного опыта. Более того, эти нарративы могут меняться в зависимости от функционала, выполняемого солдатом: «В ходе тренировок нарратив “рекрутов, которые терпят издевательства” сменяется “преодолением любых предстоящих трудностей”» (214).

Третья часть глав предполагает обращение к *вещам*, оказывающимся на стыке телесного и дискурсивного. Трофеи, фамильные реликвии, ордена и фотографии рассматриваются при этом как материальные носители или «протезы»⁹ памяти, а не просто символы или метафоры. «Фамильные реликвии обычно рассматриваются как метафоры власти, авторитета предков, материализованный индекс генеалогии. Однако вещи, оставшиеся от прошлого, представляют собой не просто лингвистический троп. Их значимость и авторитет опирается на тот факт, что они были неотъемлемой частью чего-то или кого-то – они работают скорее как метонимия¹⁰, чем как метафора. <...> Часы, очки, кольца, ручки, бумажники, расчески и обувь, которые бережно хранят потомки погибших, – это не просто их личные вещи, но важная часть их тел и телесных привычек», – отмечает А. Гонсалес-Руибал (176).

Сара Фарман в главе «Сомнительные конфликты и тела солдат: вспоминая Вьетнам с черноногими» описывает коммеморативные практики индейцев указанного племени, которые опираются на хранение трофеев, медалей, военной формы и одежды. Почти все ветераны имеют материальную память о войне, которая оказывается скорее предметом гордости, чем скорби.

Работу трагического нарратива, опирающегося на ритуалы скорби и траура, рассматривают Джеймс Тайлор в главе «Лагерная форма как орудие подавления и символ Холокоста» и Хелен Эванс – «В их обуви: хранение и экспозиция в американском музее памяти о Холокосте». Здесь анализ символического уровня (проблем репрезентации) выходит на передний план, во многом отодвигая собственно материальность вещей. Даже запах оказывается в этом контексте чисто социальным феноменом (160). Показательно, что оба автора занимают весьма осторожную позицию в отношении «индустрии Холокоста» –

⁹ Landsberg 2004.

¹⁰ Этот троп чаще всего считается разновидностью метонимии (замены «по смежности», а не «по сходству») и предполагает перенос свойств общего на частное.

их тексты нацелены скорее на критику или деконструкцию сложившихся техник репрезентации.

Более сбалансированную позицию занимает Николас Сондерс в главе «Тела и деревья: материальность ландшафтов Великой Войны», рассматривая многочисленные артефакты «траншейного искусства» первой мировой, а также трансформацию метафорических отношений, связывающих человеческие тела и деревья, – от мирового древа и креста в христианской культуре до повседневного материала крестьянской жизни. Работу с такими объектами (от сувениров до мемориалов павшим товарищам) можно интерпретировать как воплощение ностальгии: «Их изготовление и украшение представляло собой креативную запись эмоций и памяти, которые занимали лиминальное пространство – между миром и войной. Такие объекты могли вызывать ностальгию, связывая людей с довоенным миром» (28). Однако автора в равной степени интересует и физическое изменение ландшафтов (земли, лесов) в ходе Великой войны, которое он скорее феноменологически описывает, чем включает в сложившийся культурный нарратив «механической войны эпохи модерна».

Пол Корниш в главе «Противозаконные ранения: кодифицируя связь пуль и тел» рассматривает полемику о запрете пуль «дум-дум» на рубеже XIX-XX вв. и границах ущерба, который «допустимо» наносить на войне. Как убедительно доказывает автор, решения Гаагской мирной конференции, а также использующая страх тяжелых ранений и гуманистическую риторику полемика в прессе стали лишь поверхностным эффектом, тогда как подлинные причины запрета лежали в сфере технологической – проблемы смещения центра тяжести пули в обычных боеприпасах, стандартизация калибров и т.д. «<...> Именно технологическая материальность, а не декларативные документы, управляет отношениями между объектами и человеческими телами во время конфликта» (19).

Таким образом, важно отметить, что обращение представителей военной антропологии к проблематике телесного не является цельной аналитической стратегией – внутри нее возможны разные подходы и теоретические приоритеты (феноменологический, исследование аффектов и эмоций, деконструкция властного дискурса, гендерный анализ воплощения маскулинности и т.д.). Однако общим моментом, объединяющим авторов книги, представляется акцент на физическую (телесную, материальную) механику власти, не укладывающуюся в рамки психологической (сознательной) мотивации. Внимание большинства глав «Враждующих тел» привлекают проблемы феноменологического описания воздействия войны на тела и психику комбатантов. Однако такой ход лишь частично позволяет раскрыть механизмы взаимодействия сознательных и бессознательных импульсов поведения. Именно

детальное отслеживание стратегий и тактик такого взаимодействия представляется сегодня предельно актуальным как для военной, так и для исторической антропологии в целом. По сути, речь идет о тех же корреляциях между символическим и телесным, которые Джудит Батлер рассматривает в своей работе «Bodies that Matter» – тела здесь одновременно *материальны* и наделяются *символическим значением*¹¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Kaldor M.* Старые и новые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / Пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского. М.: Изд-во института Гайдара, 2015. 416 с.
- Toshtendahl R.* Профессионализм историка и историческое знание / Пер. А.Ю. Сергиной. М.: Новый хронограф, 2014. 346 с.
- Battlefield Emotions 1500–1800: Practices, Experience, Imagination* / Ed. E. Kuijpers, C. Haven. Palgrave Macmillan, 2016. 326 p.
- Beyond the Dead Horizon: Studies in Modern Conflict Archaeology* / Ed. by N. Saunders. Oxford: Oxbow, 2012. 240 p.
- Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation* / Ed. by P. Cornish, N. Saunders. N.Y.: Routledge, 2014. 250 p.
- Bourke J.* Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain, and the Great War. University of Chicago Press, 1996. 336 p.
- Bourke J.* The Story of Pain: From Prayer to Painkillers. Oxford University Press, 2014. 416 p.
- Butler J.* Bodies that Matter: On the Discursive Limits of Sex. N.Y.: Routledge, 2011. 256 p.
- Emotions, Politics and War* / Ed. by L. Ahall, T. Gregory. N.Y.: Routledge, 2015. 262 p.
- Contested Objects: Material Memories of the Great War* / Ed. by N. Saunders, P. Cornish. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2013. 336 p.
- Kinder J.M.* Paying with their Bodies: American War and the Problem of the Disabled Veteran. University of Chicago Press, 2015. 368 p.
- Landsberg A.* Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. Columbia University Press, 2004. 240 p.
- Luttwak E.* Toward Post-Heroic Warfare // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. No. 3. P. 109–22.
- Moscoco J.* Pain: A Cultural History. N.Y., London: Palgrave Macmillan, 2012. 316 p.
- Sylvester C.* War as Experience: Contributions from International Relations and Feminist Analysis. N.Y., Abingdon: Routledge, 2015. 262 p.

REFERENCES

- Kaldor M.* Starye i novye vojny: organizovannoe nasilie v globalnuju jepohu. M.: Izdatelstvo Instituta Gajdara, 2015. 416 p.
- Toshtendahl R.* Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie. M.: Novyj hronograf, 2014. 346 p.
- Battlefield Emotions 1500-1800: Practices, Experience, Imagination* / Ed. by E. Kuijpers, C. Haven. Palgrave Macmillan, 2016. 326 p.
- Beyond the Dead Horizon: Studies in Modern Conflict Archaeology* / Ed. by N. Saunders. Oxford: Oxbow, 2012. 240 p.
- Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation* / Ed. by P. Cornish, N. Saunders. N.Y.: Routledge, 2014. 250 p.
- Bourke J.* Dismembering the Male: Men's Bodies, Britain, and the Great War. University of Chicago Press, 1996. 336 p.
- Bourke J.* The Story of Pain: From Prayer to Painkillers. Oxford University Press, 2014. 416 p.
- Butler J.* Bodies that Matter: On the Discursive Limits of Sex. N.Y.: Routledge, 2011. 256 p.
- Contested Objects: Material Memories of the Great War* / Ed. by N. Saunders, P. Cornish. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2013. 336 p.

¹¹ *Butler* 2011.

Emotions, Politics and War / Ed. by L. Ahall, T. Gregory. N.Y.: Routledge, 2015. 262 p.

Kinder J.M. Paying with their Bodies: American War and the Problem of the Disabled Veteran. University of Chicago Press, 2015. 368 p.

Landsberg A. Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. Columbia University Press, 2004. 240 p.

Luttwak E. Toward Post-Heroic Warfare // Foreign Affairs. 1995. Vol. 74. No. 3. P. 109–22.

Moscoso J. Pain: A Cultural History. N.Y., London: Palgrave Macmillan, 2012. 316 p.

Sylvester C. War as Experience: Contributions from International Relations and Feminist Analysis. N.Y., Abingdon: Routledge, 2015. 262 p.

Николаи Федор Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; fvnik@list.ru

Echoes of post-heroic wars: bodies, affects, emotions

The volume "Bodies in Conflict: Corporeality, Materiality and Transformation" edited by Paul Cornish and Nicholas Saunders is dedicated to survival tactics of combatants and echoes of wars, that never ends for participants on the day of Armistice. The echoes include not only social strategies of behavior, but also material subject, bodies, affects and emotions of combatants. Authors are interested in physical (bodily, material) mechanics of power that cannot be reduced to conscious psychological motivation or the effects of heroic narrative. Their aim is not the deconstruction of masculinity/authority discourse, but a phenomenological description of war effects on body and mind of combatants. The phenomenological approach focuses on the mechanisms of conscious and unconscious interaction, as well as problematizes disciplinary framework and social functions of military- and historical anthropology.

Keywords: memory studies, war anthropology, trauma, affect, post-heroic warfare

Feodor Nickolai, PhD in history, associate professor, department of World History, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogic University; fvnik@list.ru